

© 2003 г. В. С. ХРАКОВСКИЙ

КАТЕГОРИЯ ТАКСИСА (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Говоря о категории таксиса, все современные исследователи прежде всего вспоминают имя Р.О. Якобсона, который первым ввел в научный оборот сам термин таксис. В своей знаменитой работе "Shifters, verbal categories and the Russian verb" [Jakobson 1957]¹ он, перечисляя грамматические глагольные категории, называет категорию, которая маркируется символами E^nE^n . Об этой категории Р.О. Якобсон пишет буквально следующее: «У этой категории нет стандартного названия; термины типа "относительное время" определяют лишь одну из ее разновидностей. Предложенный Блумфилдом [в 1946 г. – В.Х.] термин "порядок" ("order"), или скорее его греческий прообраз "таксис" представляется наиболее подходящим. **Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения** (выделено нами. – В. Х.). Так, нивхский язык различает, во-первых, три вида независимого таксиса, из которых один непременно предполагает, другой допускает, а третий исключает зависимый таксис, и, во-вторых, **зависимый таксис**, выражающий различные типы отношений к независимому глаголу – одновременность, предшествование, прерывание, уступительную связь и т.п. Аналогичная система в языке хопи описана Уорфом» [Якобсон 1972: 101]. Говоря о таксисе в русском языке, Р.О. Якобсон отмечает следующее: "**Таксис**: зависимый (выраженный деепричастием и указывающий на E^n , сопутствующее другому, главному E^n) – независимый. При зависимом таксисе категория времени сама выступает в функции таксиса: она выражает временное отношение к главному E^n , а не к E^s , как это имеет место при независимом таксисе. Соотношение прошедшего и настоящего времени превращается в противопоставление, которое, пользуясь терминологией Уорфа, можно назвать противопоставлением временного интервала (sequential) и контакта (concurrent) между двумя E^n » [Якобсон 1972: 106–107].

Краткая характеристика таксиса, данная Р.О. Якобсоном, на наш взгляд, нуждается в следующих комментариях. Первое. Для Р.О. Якобсона таксис – грамматическая категория глагола, представленная двумя рядами форм: один ряд составляют формы зависимого таксиса, которые характеризуют сообщаемый факт относительно другого (главного) сообщаемого факта. Эти формы соответственно сами по себе не могут выступать в тексте. Другой ряд составляют формы независимого таксиса, которые не характеризуют сообщаемый факт относительно другого сообщаемого факта, а соотносят его с фактом сообщения. При этом Р.О. Якобсон фактически дал исчисление подобных форм, ссылаясь на факты нивхского языка, которые он однако не приводит. Формы независимого таксиса, как утверждает Р.О. Якобсон, либо предполагают формы зависимого таксиса, т.е. всегда употребляются вместе с формами зависимого таксиса, либо допускают формы зависимого таксиса, т.е. могут

¹ Ниже мы цитируем русский перевод этой работы [Якобсон 1972].

употребляться как с формами зависимого таксиса, так и без них, либо исключают формы зависимого таксиса, т.е. никогда не употребляются с формами зависимого таксиса. Легко заметить, что с теоретической точки зрения предложенное Р.О. Якобсоном исчисление форм независимого таксиса вызывает определенные претензии. В частности, непонятен статус форм независимого таксиса, которые не употребляются с формами зависимого таксиса. Таких форм как будто бы не может быть в принципе, ибо о таксисе, если опираться на определение этой категории, предложенное самим Р.О. Якобсоном, можно говорить лишь при наличии двух соотносительных форм. В связи со сказанным заслуживает внимания утверждение, высказанное в работе [Недялков, Отаина 1987: 296], согласно которому в нивхском языке представлены формы независимого таксиса, которые могут употребляться как с формами зависимого таксиса, так и без них, может быть, есть формы независимого таксиса, которые всегда употребляются с формами зависимого таксиса, но нет форм независимого таксиса, которые никогда не употребляются с формами зависимого таксиса.

Второе. В соответствии с общим определением таксис лишен семантической специфики, ибо формы зависимого таксиса могут выражать различные типы отношений к формам независимого таксиса. Это и одновременность, и предшествование, и прерывание, и уступительная связь, а значит, и условная связь, и причинная связь и т.д. Иными словами, речь идет о значениях, которые, вообще-то говоря, не принято объединять в рамках одной категории, поскольку для этого нет семантических оснований. Ниже при классификации таксисных конструкций мы более подробно остановимся на этой проблеме и покажем, что у таксиса есть семантическая специфика, но в то же время Р.О. Якобсон прав, полагая, что уступительная, условная и причинная связь возможны лишь при наличии таксисных отношений, которые однако являются фоновыми. Собственно говоря, о семантической специфике таксиса говорит и сам Р.О. Якобсон, когда характеризует таксис в русском языке. Здесь категория таксиса выражает однородные значения одновременности и предшествования, которые обычно описывались в рамках категории относительного времени. Эти две отличающиеся друг от друга трактовки таксиса, широкая или асемантическая и узкая или семантическая, которые у Р.О. Якобсона даются в одной работе, в различных современных работах встречаются уже порознь.

Узкая трактовка таксиса, приравненного к относительному времени, продолжает европейскую традицию, согласно которой принято различать временные формы, которые соотносят выражаемые действия с моментом речи (абсолютные времена) и временные формы, которые соотносят выражаемые действия с моментом совершения действий, выражаемых другими временными формами (относительные времена). И те, и другие формы представлены, например, в латыни, где, в частности, есть форма абсолютного будущего времени (*Futurum I: simplex*) и форма относительного будущего времени (*Futurum II: exactum*):

(1) <i>Ut sementem fec-eri-s,</i>	<i>ita met-e-s</i>
как посев сделать-FUTII-2SG	так пожать-FUTI-2SG
‘Как посев сделаешь, так пожнешь’ [Соболевский 1948: 214].	

Для обозначения категории относительного времени использовались разные термины. Л. Теньер, например, говорит о категории временной последовательности (*sé-
sition*), или о категории следования, и характеризует ее следующим образом: “Категория следования отражает порядок следования процессов, т.е. она определяет, предшествует ли данный процесс другому, следует ли за ним или сопутствует ему” [Теньер 1988: 446].

Узкой трактовки таксиса придерживается И.А. Мельчук. Он хорошо знает основополагающую статью Р.О. Якобсона, но сам пользуется термином ‘относительное время’, отмечая при этом, что “Р. Якобсоном был предложен очень удобный термин

для обозначения категории относительного времени – *таксис*. Однако, учитывая ограниченный характер его употребления, мы не используем его в настоящей книге" [Мельчук 1998: 69]. В понимании относительного времени И.А. Мельчук солидарен с Л. Теньером. По И.А. Мельчуку эта категория включает не больше трех граммем: ' F_2' одновременно с F_1' ' (одновременность), F_2' предшествует F_1' (предшествование), F_2' следует за F_1' (следование) [Мельчук 1998: 69]. Таким образом, И.А. Мельчук сознательно не принимает широкую трактовку таксиса.

Напротив, широкой трактовки таксиса придерживается В.П. Недялков в уже упоминавшейся работе [Недялков, Отаина 1987]. В этой статье как формы зависимого таксиса рассматриваются все многочисленные деепричастные (нефинитные) формы глагола в нивхском языке вне зависимости от выражаемого ими значения. Пожалуй, узкой трактовки таксиса придерживается Ю.С. Маслов, однако он в отличие от ранее названных авторов рассматривает эту категорию не как грамматическую, а как функционально-семантическую. Не проводя детального анализа этой категории, он вместе с тем отмечает, что "во многих языках таксис объединен в рамках одной категории либо со временем, либо с видом. Сочетание таксиса и времени дает значение сложной (двух-, а иногда и многоступенчатой) временной ориентации, выражаемой в некоторых языках специальными формами, входящими в систему так называемых относительных времен. Вместе с тем таксисные значения одновременности, предшествования и следования во времени регулярно возникают в результате взаимодействия видовых форм, так что в некоторых языках выражение таксисных отношений может рассматриваться как одна из важнейших функций глагольного вида" [Маслов 1984: 8]. Принимая Масловскую концепцию таксиса, А.В. Бондарко, очень много сделавший для изучения и теоретического осмысления этой категории [Бондарко 1987; 1998], занимает позицию где-то посередине между узкой и широкой трактовкой, ибо прототипические значения таксиса для него значения одновременности, предшествования и следования, однако он учитывает и те случаи, когда формы зависимого таксиса выражают не прототипические, а окказиональные значения. Скажем, в примере

(2) *Пользуясь этой методикой, вы не решите ни одной задачи,*
с его точки зрения, деепричастие (форма зависимого таксиса) выражает уже не столько значение одновременности, сколько условное значение, которое в данном случае характеризуется как таксисное. В целом, по его словам, "временные отношения действий могут быть осложнены семантикой обусловленности (значениями условия, причины, следствия, цели, уступки, зависимости времени одного действия от времени другого), а также модальными элементами и отношениями характеристики" [Бондарко 1987: 235]. Более того, по его мнению, «"чистый таксис", освобожденный от всего того, что выходит за пределы собственно хронологических отношений, был бы абстракцией, далекой от языковой онтологии» [Бондарко 1987: 236]. В целом он полагает, что "семантика таксиса представляет собой временные отношения между действиями (в указанном смысле) в рамках целостного периода времени, всегда сопряженные с аспектуальной характеристикой компонентов выраженного в высказывании полипредикативного комплекса и реализуемые как: а) отношения одновременности/разновременности (предшествования – следования); б) отнесенность действий к одному и тому же периоду времени при неактуализованности различия одновременности/разновременности; в) связь действий во времени в сочетании со значениями обусловленности (значениями условия, причины, следствия, цели, уступки, обусловленности времени одного действия временем другого), модальными значениями и значениями характеристики" [Бондарко 1987: 237]. В связи с этой трактовкой семантики таксиса хотелось бы заметить, что пункты (а), (б) и (в), очевидно, связаны отношением дизъюнкции, т.е. в каждом конкретном случае реализуется ли-

бо пункт (а), либо пункт (б), либо пункт (в). Об этом, в частности, свидетельствует следующий пример, приводимый А.В. Бондарко:

(3) *За две недели на полметра вымахают из воды хвои, солнце до дна проколет лучами озерную воду, а лесной гребень целыми днями будет прочесывать синюю небесную лысину* (В. Белов).

К этому примеру, иллюстрирующему пункт (б), даны следующие комментарии: "Здесь актуально общее значение отнесенности целостных результатов *вымахают, проколет*, а также длительности *будет прочесывать* к одному и тому же периоду времени (*за две недели*). Что же касается различия одновременности/разновременности, то оно в данном случае не существенно" [Бондарко 1987: 237]. Таким образом, А. В. Бондарко трактует семантику таксиса очень широко и в работе [Бондарко 1999: 98–99] вносит соответствующие изменения в определение этой категории. Теперь "таксис (речь идет о семантической категории и соответствующем поле. – В.Х.) трактуется ... как выражаемая в полипредикативных конструкциях сопряженность действий (компонентов полипредикативного комплекса) в рамках единого временного плана. Имеется в виду сопряженность (связь), выступающая в следующих основных разновидностях: а) отношение одновременности/неодновременности (предшествования/следования), б) взаимосвязь действий (компонентов полипредикативного комплекса) при неактуализованности указанных выше хронологических отношений, в) связь действий во времени в сочетании с отношениями обусловленности (причинными, условными, уступительными)". Предложенная терминологическая новация "таксис это сопряженность (связь) действий" представляет собой попытку с помощью обобщенного термина 'сопряженность', практически синонимичного термину 'связь', соединить воедино семантически неоднородные явления, в результате чего таксис становится семантически неопределенной категорией.

Весьма своеобразно А.В. Бондарко подошел к трактовке понятий независимого и зависимого таксиса. Если у Р.О. Якобсона таксис всегда представлен в тексте двумя формами: одной формой зависимого таксиса и другой формой независимого таксиса, то для А.В. Бондарко "**зависимый таксис** – это временное отношение между действиями, из которых одно является основным, а второе – второстепенным (сопутствующим). **Независимый таксис** предполагает временные отношения между действиями при отсутствии эксплицитной, формально выраженной градации основного и второстепенного действия (оттенки неполной равноправности элементов таксисного отношения возможны, однако они не имеют формального выражения и не являются грамматическими значениями тех или иных форм или конструкций)" [Бондарко 1987: 239]. Зависимый таксис реализуется, например, в предложении:

(4) *Войдя в комнату, С. сразу же зажег свет,*

а независимый таксис реализуется в соотносительных по смыслу предложениях:

(5) *С. вошел в комнату и сразу же зажег свет,*

(6) *Когда С. вошел в комнату, он сразу же зажег свет.*

Что касается примеров типа (5) или

(7) *Он открыл (СВ) ящик стола и вынул (СВ) папку* [Бондарко 1999: 100],

то они к таксисным не относятся, поскольку в них нельзя обнаружить каких-либо грамматических показателей, которые бы однозначно свидетельствовали о том, что в рассматриваемых конструкциях выражается какое-либо определенное таксисное значение. Чтобы в этом убедиться, давайте зададимся вопросом, какое конкретное таксисное значение могло бы выражаться в конструкциях, в которых представлена цепочка, состоящая, как минимум, из двух финитных глагольных форм СВ? Судя по приводимым примерам, очевидно, что конкурируют два значения: 1. предшествование (ситуация, обозначаемая первой формой в цепочке, предшествует ситуации, обозначаемой второй формой в цепочке), 2. следование (ситуация, обозначаемая второй формой в цепочке следует за ситуацией, обозначаемой первой формой в цепочке). Выбрать одно из двух конкурирующих решений не так просто, поскольку нет грамматических показателей, свидетельствующих в пользу первого или второго

решения. Нам можно возразить, что здесь нейтрализуется различие между этими двумя значениями, поскольку порядок следования однозначно указывает, что ситуация, называемая первым глаголом СВ, всегда предшествует ситуации, называемой вторым глаголом СВ, а в примере (5) помимо порядка следования на единственно возможную интерпретацию указывает также обстоятельство времени *сразу же*. Это действительно так. Как показала Е.В. Падучева, стандартно в нарративе "соположенные или сочиненные формы СВ выражают последовательные события" [Падучева 1996: 362]. Однако, соглашаясь с этой точкой зрения, мы должны подчеркнуть, что все-таки остается не вполне ясным вопрос, какое таксисное значение выражают сочиненные формы – предшествование или следование – и можно ли в данном случае вообще говорить о наличии таксисных отношений и не лучше ли просто констатировать тот факт, что "сочиненные формы СВ выражают последовательные события".

Проводя анализ примеров типа (5) и (7), целесообразно также учитывать глубокую мысль Б. Комри о том, что при описании какой-либо грамматической категории важно строго различать между семантикой этой категории (ее значением, смыслом) и ее интерпретацией, которая возникает в различных контекстах [Comrie 1998: 9]. Рассматривая, в частности, предложение

(8) а. *Фред открыл (СВ) дверь, вошел (СВ) в комнату и поздоровался (СВ) с гостями,*

аналогичное примерам типа (5) и (7), он говорит о том, что в аспектологической литературе, ориентированной на дискурс, каждая из последующих форм СВ в этом предложении интерпретируется как обозначающая событие, хронологически относящееся к событию, выражаемому предшествующей формой СВ [Гуревич 1971; Galton 1976]. Но на самом деле речь идет скорее всего не о логическом выводе, а об имплицатуре, отражающей естественную последовательность выражаемых событий. В то же время цепочка последовательных форм СВ может обозначать события, которые не обязательно естественным образом следуют друг за другом в хронологической последовательности и, таким образом, в данном случае речь определено может идти только об имплицатуре. Именно так обстоит дело в примере типа:

(8) б. *Буря сорвала (СВ) крышу с дома, опрокинула (СВ) все мусорные ведра и сдула (СВ) все выстиранное белье.*

Учитывая изложенное, можно утверждать, что обозначение хронологической последовательности событий цепочкой глаголов СВ – реальный факт, который маркируется порядком следования глаголов в цепочке, хотя из этого правила есть и исключения. Рассмотрим, в частности, следующие примеры:

(9) *Он потолстел (СВ) и обрюзг (СВ).*

(10) *Мы немного посидели (СВ) и поговорили (СВ) о наших планах.*

В примере (9) представлена цепочка из двух глаголов СВ, однако в отличие от примеров (5) и (7) здесь обозначены не последовательные, а одновременные ситуации, причем значение одновременности сохраняется и при перестановке глаголов. Цепочка из двух глаголов СВ представлена и в примере (10). И в этом случае обозначаются не последовательные, а одновременные ситуации, однако в данном случае перестановка глаголов исключается. Так что же является решающим при определении "таксисных" отношений между глаголами СВ в рассматриваемых конструкциях? По нашему мнению, решающим фактором оказывается только точка отсчета, принимающая участие в толковании СВ. Глаголы СВ в цепочке могут быть связаны отношением следования. В этом случае предшествующий глагол в цепочке является точкой отсчета для последующего, см. (5), (7), (8а). Глаголы СВ в цепочке могут быть связаны отношением одновременности. В этом случае у них общая точка отсчета, см. (9), (10), что определяется единым временем наблюдения. Отношение следования или одновременности между глаголами СВ в цепочке может остаться неопределенным, если наблюдателю, занимающему ретроспективную позицию, точка отсчета остается неизвестной, см. (8б) [Падучева 1996: 295]. Все сказанное, с нашей

точки зрения, свидетельствует о том, что рассмотренные примеры нецелесообразно описывать в терминах категории таксиса.

Что касается конструкций типа (6), то они по существу являются конструкциями зависимого таксиса. Дело в том, что это сложноподчиненные предложения, в обеих частях которых употребляются финитные глаголы, указывающие на абсолютную временную локализацию обозначаемых ими ситуаций, а именно, на их отнесенность к прошлому относительно момента речи. Однако финитный глагол СВ в зависимой части (далее – ЗЧ) предложения вместе с союзом, вводящим эту ЗЧ, одновременно выступает как неспециализированная таксисная форма, которая в примере (6) указывает, что обозначаемая ситуация предшествует ситуации, называемой глаголом СВ в главной части (далее – ГЧ) предложения.

С нашей точки зрения, более целесообразно придерживаться узкой трактовки категории таксиса и трактовки зависимого и независимого таксиса в духе Р.О. Якобсона. В этом случае речь идет о группе однородных значений: одновременность, предшествование, следование, которые правомерно характеризовать как взаимоисключающие друг друга граммы одной категории. Что же касается широкой трактовки, то в этом случае, как мне представляется, речь идет не столько о грамматической категории в привычном смысле этого термина, сколько о стандартном способе упаковки всех значений, которые могут быть реализованы в бипредикативной конструкции при характеристике одного сообщаемого факта относительно другого сообщаемого факта. Имеется в виду, например, такой случай, когда в языке только с помощью деепричастий выражаются все значения, указывающие на отношение одного сообщаемого факта к другому сообщаемому факту, независимо от того, являются ли они однородными, что дает основание для их объединения в рамках одной категории или нет. Когда мы говорим о таксисе в узком смысле, то здесь прежде всего существенна однородность значений, а не однородность способов их упаковки.

Главная заслуга Р.О. Якобсона, предложившего для характеристики категории E^nE^n использовать вместо традиционного термина 'относительное время' термин 'таксис', состоит в том, что эта терминологическая замена позволила подвести под понятие, обозначаемое термином 'таксис' не только традиционно учитывавшиеся финитные глагольные формы относительного времени, но и многочисленные и разнообразные нефинитные глагольные формы, имеющие то же самое значение.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТАКСИСА И ТИПОЛОГИЯ ТАКСИСНЫХ ФОРМ

Мы считаем целесообразным характеризовать таксис как категорию, которая реализуется в бипредикативных (и шире полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность/неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т.е. независимо от какой-либо еще ситуации P_n ². Если конкретные таксисные значения маркируются с помощью тех или иных специализированных глагольных форм, то в этом и только в этом случае можно говорить о таксисе как о нешифтерной грамматической категории глагола. Содержательно таксис (относительное время) соотносится с категориями: абсолютное время и временная дистанция, которые составляют триаду основных грамматических категорий, обозначающих временные координаты или указывающих на временную локализацию некоторой ситуации P_n [Мельчук 1998].

² За пределами этого определения остаются гномические высказывания типа *Вращаясь вокруг своей оси, земля одновременно вращается вокруг солнца*.

Думается, что это определение в принципе соответствует тому подходу к описанию таксиса, который намечен в работах [Jakobson 1957; Якобсон 1972; Маслов 1983; 1984; Бондарко 1987; 1998; 1999; Мельчук 1998; Храковский 2001]. Особенно важными для нас представляются те две особенности таксисных форм, на которые эксплицитно обращает внимание Ю.С. Маслов, а именно: 1) таксисные формы указывают на хронологическое соотношение, 2) таксисные формы прототипически являются синтаксически зависимыми и обозначают второстепенное "действие", ср. [Маслов 1983: 42]. Вместе с тем из предложенного определения следует, что таксисные формы могут иметь различный категориальный статус, поскольку таксисные значения одновременности, предшествования и следования могут выражаться и с помощью специализированных нефинитных и финитных глагольных форм, и с помощью союзов в совокупности с неспециализированными финитными глагольными формами, и с помощью предлогов/послелогов в совокупности с неспециализированными глагольными формами, отглагольными именами, а также с неотглагольными предикатными именами.

Ситуации P_1 и P_2 прототипически представлены глагольными формами, которые составляют **таксисную пару**. Одна из форм этой пары – синтаксически **зависимая** – обозначает ситуацию P_1 , которая ориентирована относительно ситуации P_2 , а другая форма – **опорная** (прототипически **независимая**) – обозначает ситуацию P_2 , которая служит временным ориентиром для ситуации P_1 . Термины 'таксисная пара', 'зависимая форма' и 'опорная (независимая) форма' принадлежат В.П. Неделкову [Неделков, Отаина 1987: 299].

Если исходить из того, что глагольные формы в принципе делятся на финитные и нефинитные, то зависимая и опорная таксисные формы могут быть представлены следующими комбинациями нефинитных и финитных форм:

Таблица 1

	Зависимая форма	Опорная форма	
1.	нефинитная форма	финитная форма	+
2.	нефинитная форма	нефинитная форма	+
3.	финитная форма	финитная форма	+
4.	финитная форма	нефинитная форма	–

Первую комбинацию зависимой и опорной таксисных форм иллюстрируют следующие примеры:

(11) а. Гуляя по парку, Петя смотрел/смотрит/будет смотреть по сторонам;

б. (эскимос.) Кат-йа-ми мын'тыг'а-мун
приходить-CONV-3SG дом-DAT
ук'ых'ми аг'улиг'-ума-лг'и
около остановиться-PAST-3SG

'Приблизившись к яранге, около остановился' [Вахтин 1995: 226];

в. (чечен.) So cla vah-h-altс jazdi-ra as
я-NOM домой уходить-CONV писать-IMPRF я-ERG

'Я писал до того, как ушел домой' [Яковлев 1940: 266];

г. После разговора с отцом я не спал/буду спать всю ночь;
д. (селькуп.) Tary ašša tat tüpt-äqä-nty, mat assa amyr-tent-ak
пока не ты приходить-VN-2SG я не есть-FUT-1SG

"Пока ты не придешь, я не буду есть" [Кузнецова и др. 1980: 327].

Говоря о данной комбинации таксисных форм, хочется прежде всего подчеркнуть, что примеры типа (11а)–(11в), собственно говоря, послужили базой для введения в научный оборот термина таксис, поскольку в них в качестве зависимых форм выступают деепричастия, специально предназначенные для выражения таксисных значений. Приведенные примеры могут быть прокомментированы следующим образом. Формально русский пример (11а) представляет собой т. н. осложненное предложение, которое состоит из простого предложения с финитным глаголом в роли сказуемого и оборота с нефинитным деепричастием НСВ, которое называют деепричастием наст. вр. Деепричастный оборот выражает ситуацию P_1 , а простое предложение – ситуацию P_2 . Деепричастие наст. вр. указывает на то, что ситуация P_1 локализуется одновременно с ситуацией P_2 . В свою очередь ситуация P_2 локализуется во времени относительно момента речи. На конкретный временной план указывает временная форма глагола в позиции сказуемого, причем деепричастие сочетается с любой временной формой финитного глагола. Дополнительно отметим, что первый партициптант ситуации P_1 однореферентен с первым партиципантом ситуации P_2 и при деепричастии не выражается. Стоит подчеркнуть, что русские деепричастия в принципе являются однореферентными глагольными формами.

По своей формальной структуре эскимосский пример (11б) напоминает русский пример (11а). Это тоже осложненное предложение, которое состоит из простого предложения с финитным глаголом и оборота с деепричастием. Деепричастие выражает ситуацию P_1 , а финитный глагол – ситуацию P_2 . Показатель деепричастия *-йа* указывает на то, что ситуация P_1 непосредственно предшествует ситуации P_2 , причем ситуация P_2 локализуется только в плане прошлого, но не настоящего или будущего. В этом коренное отличие примера (11б) от примера (11а), где деепричастие сочетается с любой временной формой финитного глагола. Тем самым эскимосское деепричастие с показателем *-йа*, функционируя только как таксисная форма предшествования, в то же время выражает информацию о временной локализации (относительности к прошлому) обозначаемой ситуации P_1 . Еще одна специфическая особенность эскимосских деепричастий, отличающая их от русских деепричастий, заключается в том, что они безразличны к референциальным характеристикам первых партиципантов ситуаций P_1 и P_2 [Вахтин 1995: 224].

Чеченский пример (11в) формально тоже представляет собой осложненное предложение и соответственно состоит из простого предложения, выражающего ситуацию P_2 , и деепричастного оборота, выражающего ситуацию P_1 . Деепричастие на *-alts* указывает на то, что ситуация P_1 следует после ситуации P_2 , которая локализуется в прошлом до момента речи. Важно обратить внимание на то, что, хотя у ситуаций P_1 и P_2 первые партициптанты однореферентны, они оба обозначаются, занимая позицию подлежащего при деепричастии и финитном глаголе, причем подлежащее при деепричастии выступает в номинативе, а при финитном глаголе в эргативе.

Формальная специфика русского примера (11г) состоит в том, что он представляет собой простое предложение. В этом предложении ситуация P_1 выражается обстоятельством времени, состоящим из отглагольного имени, которое представляет собой нефинитную форму глагола, и вводящего это имя предлога. Что касается ситуации P_2 , то она выражается всем предложением за вычетом обстоятельства времени. Отглагольное имя в род. пад., вводимое предлогом *после*, указывает на то, что ситуация P_1 непосредственно предшествовала ситуации P_2 , которая в принципе может локализоваться в любом временном плане.

Формальная характеристика селькупского примера (11д) в традиционных терминах вызывает определенные затруднения. Дело в том, что ситуация P_1 в этом примере выражается отглагольным именем, которое вводится союзом. Если бы при помощи союза вводилась финитная форма глагола, то мы бы говорили о сложноподчиненном предложении, но поскольку союз вводит нефинитную (склоняемую) форму глагола, то, видимо, более целесообразно говорить о предложении, осложненном оборотом с именной формой глагола, которая вводится союзом, функционирующим

как предлог. Что касается ситуации P_2 , то ее представляет финитный глагол, который указывает, что эта ситуация локализована в будущем и будет осуществляться до наступления ситуации P_1 .

Вторую комбинацию зависимой и опорной таксисных форм демонстрируют следующие примеры:

- (12) а. (турец.) *Hemen eczahaneye kosu-p* *bir ilâç al-arak*
 тотчас в аптеку побежать-CONV одно лекарство купить-CONV
hastaya ver-di
 больному дать-PAST:3SG

‘Тотчас в аптеку побежав, лекарство купив, он больному [его] дал’ [Кононов 1941: 228];

- б. (нивх.) *Иф т’арк,-р* *тывы-н.ан йамад’*
 Он прыгнуть-CONV войти-CONV смотреть-NONFUT

‘Он прыжком вошел-когда, посмотрел’ [Недялков, Отаина 1987: 299].

Комментируя эти примеры, отметим, что случай, когда в роли и зависимой, и опорной таксисных форм выступают нефинитные формы глагола, относится к числу периферийных и стандартно возможен лишь в полипредикативных конструкциях, где опорная таксисная форма, представленная нефинитной формой глагола одновременно является зависимой по отношению к другой опорной форме, в роли которой выступает уже финитная глагольная форма.

Что касается турецкого примера (12а), то он формально представляет собой осложненное предложение с двумя деепричастными оборотами, связанными последовательным подчинением. Первый деепричастный оборот выражает ситуацию P_1 , а второй деепричастный оборот выражает ситуацию P_2 . Деепричастие на *-р* в первом деепричастном обороте указывает на то, что ситуация P_1 непосредственно предшествует ситуации P_2 , которую представляет деепричастие на *-(y)arak*. Это деепричастие, будучи опорной формой для деепричастия на *-р*, одновременно служит зависимой формой в паре с финитным глаголом, представляющим еще одну ситуацию P_3 . Как зависимая форма, деепричастие на *-(y)arak* указывает на то, что ситуация P_2 непосредственно предшествует ситуации P_3 . Что касается финитного глагола, представляющего ситуацию P_3 , то он однозначно локализует ситуацию P_3 в прошлом относительно момента речи. Нивхский пример (12б) принципиально не отличается от турецкого примера (12а). Он также представляет собой осложненное предложение с двумя деепричастиями, связанными последовательным подчинением. Первое деепричастие представляет ситуацию P_1 , а второе – ситуацию P_2 . Первое деепричастие – это деепричастие на *-р*, которое указывает, что ситуация P_1 одновременна ситуации P_2 . Второе деепричастие – это деепричастие на *-н, ан*, которое, будучи опорной формой для деепричастия на *-р*, одновременно является зависимой формой по отношению к финитному глаголу, представляющему ситуацию P_3 . Финитный глагол, выступающий в форме небудущего вр., обозначает, что ситуация P_3 в данном случае локализуется в прошлом относительно момента речи.

Третью комбинацию зависимой и опорной таксисных форм представляют следующие примеры:

- (13) а. (лат.) *Themistôcles feci-t* *idem, quod viginti annis ante*
 Фемистокл сделать:PRF-3SG то же что двадцать лет до
fec-era-t *Coriolanus*
 сделать-PLUSPRF-3SG Кориолан

‘Фемистокл сделал то же, что за двадцать лет до этого сделал Кориолан’ [Соболевский 1948: 211].

б. (араб.)	<i>džalas-a</i>	(<i>wa huwa</i>)	<i>ya-qra'u</i>	<i>l = risa:lata</i>
	сидеть: PAST-3SG	(а он)	3SG-читать: PRES	записку

‘Он-сидел читая (букв. [а он] читает) записку’.

в. *Когда Петя гулял по парку, он смотрел по сторонам.*

Комментарий к этим примерам хочется начать с того, что данная комбинация глагольных форм является стандартным способом выражения категории таксиса. Латинский пример (13а) формально представляет собой сложноподчиненное предложение, состоящее из главного предложения и придаточного. Придаточное предложение выражает ситуацию P_1 , а главное – ситуацию P_2 . В придаточном предложении глагол представлен формой плюсквамперфекта, которая в данном случае обозначает, что ситуация P_1 предшествует ситуации P_2 . В главном предложении глагол представлен формой перфекта, которая обозначает, что ситуация P_2 локализуется в прошлом относительно момента речи. Важно подчеркнуть, что латинский плюсквамперфект, будучи таксисной формой, в то же время несет информацию о том, что выражаемая им ситуация локализуется в прошлом. Иначе говоря, эта форма однозначно ориентирована не только относительно формы перфекта, но и относительно момента речи.

Арабский пример (13б) интересен тем, что формально он представляет собой осложненное предложение с т. н. обстоятельственным оборотом. Обстоятельственный оборот выражает ситуацию P_1 , а само предложение – ситуацию P_2 . Специфика оборота заключается в том, что в нем употребляется финитный глагол, который в своей прототипической независимой синтаксической позиции является формой абсолютного настоящего времени. Однако когда эта форма употребляется в обстоятельственном обороте, следуя за опорным глаголом, она функционирует как относительная временная форма и указывает, что выражаемая ею ситуация P_1 локализуется одновременно с ситуацией P_2 . Что касается опорного глагола, репрезентирующего ситуацию P_2 , то это финитный глагол прошедшего времени, указывающий, что ситуация P_2 локализуется в прошлом относительно момента речи.

Русский пример (13в) представляет собой стандартное сложноподчиненное предложение с союзом *когда*, вводящим придаточное предложение. Придаточное предложение с глаголом НСВ выражает ситуацию P_1 , а главное предложение с таким же глаголом НСВ – ситуацию P_2 . Глагол в придаточном предложении представлен формой абсолютного прошедшего времени, которая, однако, находясь в позиции, зависимой от союза *когда* (и от ряда других союзов), и не утрачивая своего временного значения, функционирует уже как относительная временная форма, указывающая в данном случае на то, что ситуация P_1 локализуется одновременно с ситуацией P_2 . В главном предложении глагол представлен той же формой абсолютного прошедшего времени, но употребляется этот глагол только в своей прототипической функции и указывает, что ситуация P_2 локализуется в прошлом относительно момента речи. Фактически маркером значения одновременности в данном случае выступает отнесенность обоих глаголов к НСВ.

Суммируя сказанное относительно комбинаторики зависимой и опорной таксисных форм, следует подчеркнуть, что прототипическими являются комбинации, в которых зависимая форма является нефинитной или финитной, а опорная форма – финитной. Среди нефинитных зависимых форм важно различать, с одной стороны, те, которые сочетаются с любыми временными финитными формами, а с другой стороны, те, которые сочетаются с временными формами какого-то определенного временного плана. Если первые формы не несут абсолютно никакой информации о временной локализации обозначаемых ими ситуаций, то вторые формы такую информацию выражают, ср. [Вахтин 1995: 306]. Среди финитных зависимых форм также важно различать, во-первых, специализированные таксисные формы, во-вторых, формы, для которых таксисное значение является вторичным и, наконец, формы, которые приобретают таксисное значение, выступая в позиции, зависимой от союза. Важно обратить внимание на то, что и специализированные таксисные формы, и таксисные формы, зависимые от союза, содержат информацию о временной локализации, выражаемой ими ситуации.

Говоря о трех таксисных значениях, зададимся вопросом, являются ли значения предшествования, одновременности и следования теми далее неделимыми семантическими сущностями, которые необходимы и достаточны для адекватной характеристики категории таксиса и тех форм, с помощью которых эта категория выражается в языке. Мы отвечаем на этот вопрос отрицательно и полагаем, что необходима дальнейшая субкатегоризация этих значений.

Как мы знаем, в случае предшествования синтаксически зависимая таксисная (нефинитная или финитная) форма обозначает ситуацию P_1 , которая ориентирована относительно хронологически следующей за ней ситуации P_2 , выражаемой опорной, синтаксически независимой (стандартно финитной) глагольной формой. Возникает вопрос: какие существуют логические возможности следования ситуации P_2 за ситуацией P_1 с хронологической точки зрения? Можно думать, что всего таких возможностей три. Первая возможность: ситуация P_2 следует за ситуацией P_1 , прерывая ее (прерываемое предшествование). Иначе говоря, ситуация P_1 перестает иметь место под воздействием ситуации P_2 , а не прекращается естественным образом:

(14) *Перебегая (НСВ) улицу, Петя упал (СВ).*

Вторая возможность: ситуация P_2 следует непосредственно за ситуацией P_1 после ее естественного завершения (контактное предшествование):

(15) *Как только Петя вышел (СВ) из комнаты, Маша (тут же) включила (СВ) телевизор.*

Третья возможность: ситуация P_2 следует за ситуацией P_1 через какой-то интервал после ее естественного завершения (дистантное предшествование):

(16) *Через два часа после того как Петя ушел (СВ), Маша включила телевизор.*

Также мы знаем, что в случае одновременности синтаксически зависимая таксисная (нефинитная или финитная) форма обозначает ситуацию P_1 , которая ориентирована относительно хронологически одновременной с ней ситуации P_2 , выражаемой опорной, синтаксически независимой (стандартно финитной) глагольной формой. Снова возникает вопрос, какие существуют логические возможности одновременного существования ситуаций P_1 и P_2 . Можно думать, что опять таких возможностей три. Первая возможность: ситуация P_1 занимает тот же временной период, что и ситуация P_2 (полная одновременность):

(17) *Когда Петя делал (НСВ) уроки, Маша читала (НСВ) книгу.*

Вторая возможность: ситуация P_2 локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией P_1 (неполная одновременность₁):

(18) *Когда Петя делал (НСВ) уроки, в комнату вошла (СВ) Маша.*

Третья возможность: ситуация P_1 локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией P_2 (неполная одновременность₂):

(19) *Когда в комнату вошла (СВ) Маша, Петя делал (НСВ) уроки.*

Кроме того, нам известно, что в случае следования синтаксически зависимая таксисная (нефинитная или финитная) форма обозначает ситуацию P_1 , которая ориентирована относительно хронологически предшествующей ей ситуации P_2 , выражаемой опорной, синтаксически независимой (стандартно финитной) глагольной формой. В очередной раз возникает вопрос: какие существуют логические возможности следования ситуации P_1 за ситуацией P_2 с хронологической точки зрения? Опять можно думать, что всего таких возможностей три. Первая возможность: ситуация P_1 следует за ситуацией P_2 , прерывая ее (прерывающее следование). Иначе говоря, ситуация P_2 перестает иметь место под воздействием ситуации P_1 , а не прекращается естественным образом:

(20) *Петя делал (НСВ) уроки, пока не пришла (СВ) Маша.*

Вторая возможность: ситуация P_1 следует непосредственно за ситуацией P_2 после ее естественного завершения (контактное следование):

(21) *Прежде чем выйти (СВ) из дому, Петя выключил (СВ) свет.*

Третья возможность: ситуация P_1 следует за ситуацией P_2 через какой-то интервал после ее естественного завершения (дистантное следование):

(22) *За два дня до того как Петя уехал (СВ), он получил (СВ) письмо от Маши.*

Если согласиться с приведенным рассуждением, то для адекватной характеристики и таксиса предшествования, и таксиса одновременности, и таксиса следования нужно учитывать один параметр, который принимает три значения. В случае таксиса предшествования и таксиса следования эти значения, грубо говоря, характеризуют все теоретические возможности следования двух ситуаций друг за другом на хронологической оси, а в случае таксиса одновременности эти значения характеризуют все теоретические возможности заполнения двумя ситуациями одного периода времени.

Все выделенные частные таксисные значения (всего их девять) удобно представить на следующей шкале, которая строится на базе презумпции, что соседние значения на этой шкале связаны семантическими мостиками и наиболее близки друг другу:

дист.	конт.	прер.	непол.	пол.	непол.	прер.	конт.	дист.
предшествование			одновременность			следование		

Данная шкала в несколько видоизмененном виде заимствована из работы [Мальчуков 2001], где, насколько я могу судить, это важное и полезное понятие впервые введено в научный оборот. Заметим, однако, что принимая постулат, в соответствии с которым девять конкретных таксисных значений этой шкалы, представлены в любом естественном языке, мы остерегаемся делать прогноз о правилах соответствия этих значений и средств их выражения. В принципе эти соответствия могут быть достаточно разнообразны. В частности, одному значению может соответствовать один показатель, одному значению может соответствовать несколько показателей, нескольким значениям может соответствовать один показатель и т.д. Важно, однако, обратить внимание на то, что в работе [Мальчуков 2001: 195] высказывается интересное предположение, "что данная шкала универсально ограничивает полисемию таксисных показателей, исключая "прерывные" участки на шкале. Так, например, если какая-либо форма/конструкция способна выражать контактное предшествование и полную одновременность, то... она способна выражать и промежуточные значения прерывания и частичной одновременности".

Это предположение, аргументируемое с помощью анализа употребления эвенских деепричастий, на первый взгляд представляется вполне правдоподобным, но, как нам кажется, на самом деле оно является слишком сильным. Как будто бы имеются такие таксисные формы, которые выражают значения, не контактирующие друг с другом на этой шкале. К числу таких форм относится деепричастие СВ в русском языке, когда оно употребляется в предложении с деепричастным оборотом.

Ситуация P_1 , называемая деепричастием СВ в обороте, прототипически непосредственно предшествует ситуации P_2 , называемой финитным глаголом в предложении (контактное предшествование), причем ситуация P_2 , называемая финитным глаголом и соотносимая с моментом речи, может локализоваться и в прошлом, и в настоящем, и будущем, а сам финитный глагол может выступать как в форме НСВ, так и в форме СВ:

- (23) а. *Сходяв (СВ) за водой, Петя работал (НСВ) в саду;*
- б. *Сходяв (СВ) за водой, Петя поработал (СВ) в саду;*
- в. *Сходяв (СВ) за водой, Петя работает (НСВ) в саду;*
- г. *Сходяв (СВ) за водой, Петя будет работать (НСВ) в саду;*
- д. *Сходяв (СВ) за водой, Петя поработает (СВ) в саду.*

Обратим внимание на то обстоятельство, что ситуация P_1 называемая деепричастием СВ в примерах (23а)–(23в) фактически локализуется в прошлом. Иными словами и при финитном глаголе настоящего времени, и при финитном глаголе прошедшего времени деепричастие СВ называет ситуацию P_1 , относимую к плану прошлого. Другое дело, что в случае примеров (23а)–(23б) деепричастие СВ называет

ситуацию P_1 , которая предшествует ситуации P_2 , тоже локализуемой в прошлом, тогда как в случае примера (23в) деепричастие СВ называет ситуацию P_1 , которая предшествует ситуации P_2 , относимой к плану настоящего времени. Эта последняя ситуация фактически началась до момента речи, осуществляется в момент речи и будет продолжаться после момента речи. Что касается примеров (23г)–(23д), то в них и ситуация P_1 , называемая деепричастием СВ, и ситуация P_2 , называемая финитным глаголом, локализуются в будущем времени.

Существенно подчеркнуть, что иногда перед деепричастием СВ может употребляться союз *едва*, который специально подчеркивает, что ситуация P_2 , обозначаемая финитным глаголом, следует за ситуацией P_1 , обозначаемой деепричастием СВ, практически без какого-либо временного интервала:

(24) *Едва проснувшись (СВ), Петя включил (СВ) телевизор.*

Необходимо заметить, что деепричастие СВ может обозначать результат ранее осуществившейся ситуации P_1 , который наблюдается одновременно с ситуацией P_2 , обозначаемой финитным глаголом СВ:

(25) *Высунув (СВ) язык, мордку поднявши (СВ), / прибежал (СВ) бесенок, задыхаясь (А. Пушкин).*

Если же финитный глагол является глаголом НСВ, за кадром остается информация о том, когда осуществилась ситуация P_1 , приведшая к этому результату: то ли до начала ситуации P_2 , называемой финитным глаголом, то ли уже после ее начала:

(26) *Петя шел (НСВ), опустив (СВ) голову.*

В работе [Акимова, Козинцева 1987: 262–263, ср. Русская грамматика 1952; Барентсен, Хиндрикс 1988] было сделано важное наблюдение, согласно которому деепричастие СВ, прототипически выражающее предшествующее действие, находясь в постпозиции относительно основного финитного глагола, может иногда выражать не предшествующее, а последующее действие. Вот примеры, с помощью которых авторы иллюстрируют это положение:

(27) а. *Мать уложила (СВ) его в постель, накрыв (СВ) бледный лоб полотенцем (М. Горький);*

(28) а. *...он рассказал (СВ) мне все дело, прибавив (СВ), что именно потому поторопился приехать, чтоб предупредить меня... (А. Герцен).*

Любопытно отметить, что если в этих примерах изменить порядок следования частей конструкции, то в первом из них деепричастие СВ, как ему и положено, будет обозначать предшествующее действие, тогда как второй становится сомнительным с семантической точки зрения, см. (27б) и (28б):

(27) б. *Накрыв (СВ) (его) лоб полотенцем, мать уложила (СВ) его в постель;*

(28) б. *?Прибавив (СВ), что именно потому поторопился приехать, он рассказал (СВ) мне все дело.*

Добавим к приведенным примерам (27а) и (28а) еще один пример:

(29) а. *Петя вышел (СВ) из квартиры, захлопнув (СВ) за собой дверь.*

Как и в примерах (27а) и (28а) в этом примере деепричастие СВ, находясь в постпозиции относительно финитного глагола, выражает последующее действие, однако в отличие от примеров (27а) и (28а) при перестановке в этом примере частей конструкции деепричастие СВ по-прежнему будет обозначать последующее действие:

(29) б. *Захлопнув (СВ) за собой дверь, Петя вышел (СВ) из квартиры.*

Таким образом, можно думать, что семантика деепричастия СВ, детерминирующая возможность его употребления либо только в постпозиции относительно финитного глагола, либо как в постпозиции, так и в препозиции, в сочетании с семантикой финитного глагола служит импульсом для того, чтобы деепричастие СВ обозначало не предшествующую (прототипический случай), а последующую (маргинальный случай) ситуацию.

Если согласиться с тем, что предложенная характеристика деепричастия СВ является адекватной, и соответственно это деепричастие может выражать не только контактное предшествование, но и контактное следование, а эти значения не соседству-

ют друг с другом на таксисной шкале, то из этого вытекает следующий вывод. Полисемия таксисных показателей, исключая "прерывные" участки на шкале, видимо, представляет собой господствующую тенденцию, однако в маргинальных случаях возможна и полисемия, которая, как и у русского деепричастия СВ, обозначающего и контактное предшествование, и контактное следование, допускает "прерывные" участки на шкале таксисных значений.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТАКСИСНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Основываясь на предложенном определении таксиса, нам бы хотелось в этой работе провести естественную классификацию конструкций, подводимых под это определение. С нашей точки зрения, существенными для этой классификации являются следующие моменты: 1. являются ли ситуации, выражаемые в таксисных конструкциях, семантически самостоятельными или же одна ситуация занимает валентностное место, открываемое другой ситуацией; 2. является ли таксисная связь между ситуациями в конструкции единственной или неединственной и к тому же фоновой.

Учитывая изложенное, мы полагаем, что в рамках естественной классификации различаются три типа таксисных конструкций, обладающих специфическими содержательными и формальными особенностями. К первому типу относятся конструкции, в которых представлены ситуации, связанные валентностными отношениями. Речь идет о таких конструкциях, в которых одна ситуация P_1 , как принято говорить, вставлена, или вложена, в другую ситуацию P_2 , т.е. заполняет одно из ее валентностных мест, и, следовательно, такие ситуации нельзя квалифицировать как самостоятельные. Что же касается таксисных отношений между этими ситуациями, одна из которых является предикатным актантом другой, то они возникают всего лишь как следствие их валентностных отношений. Примером могут служить конструкции с модусными глаголами речи, мыслительной деятельности, чувственного восприятия. У подобных глаголов есть валентность содержания или стимула, которую заполняет предикатный актант, т.е. ситуация P_1 . Примером такой конструкции может служить латинское сложноподчиненное предложение [Соболевский 1948: 220]:

- (30) *Sciam, quid egeris*
знать-INDIC.1SG что делать-PERF.CONJ.2SG
'Я буду знать, что ты (с)делал'.

В 3Ч этого предложения употреблена таксисная глагольная форма перфекта сослагательного наклонения (*Perfectum conjunctivi*), которая в данном случае специально указывает, что обозначаемая ею ситуация P_1 ('действия') предшествует ситуации P_2 ('знания'), обозначаемой в ГЧ предложения глагольной формой абсолютного будущего времени (*Futurum I – simplex*). Однако при этом ситуация P_1 , называемая в 3Ч глаголом *ago* 'делать, действовать' заполняет валентность содержания ситуации P_2 , называемой в ГЧ глаголом *scio* 'знать'. Таким образом, в данном случае таксисные отношения между ситуациями возникают как следствие их валентностных отношений.

Ко второму типу относятся таксисные конструкции, в которых представлены самостоятельные ситуации, не связанные валентностными отношениями. Эти конструкции специально предназначены для выражения таксисных значений одновременности, предшествования, следования. Примером может служить латинское сложноподчиненное предложение

- (31) *Moriatur Epicūrus, quum duo et septuaginta annos vixerit*
умирать-FUTI.3SG Э. когда два и семьдесят лет жить-FUTII.3SG
'Умрет Эпикур, когда проживет 72 года' [Соболевский 1948: 214].

В 3Ч этого предложения употреблена таксисная глагольная форма относительного будущего времени (*Futurum II – exactum*), которая специально указывает, что

обозначаемая ею ситуация P_1 ('срока жизни') будет предшествовать ситуации P_2 ('смерти'), обозначаемой в ГЧ предложения глагольной формой абсолютного будущего времени (*Futurum I – simplex*). Ситуации, выражаемые в ЗЧ и ГЧ предложения, связаны только таксисными отношениями и никакими другими.

В существующих описаниях категории таксиса и таксисных конструкций, насколько мне известно, не различаются таксисные конструкции первого типа (валентностный таксис) и таксисные конструкции второго типа (невалентностный таксис). В большей мере в этих описаниях учитываются таксисные конструкции третьего типа. Имеются в виду такие несобственно таксисные бипредикативные конструкции, например, причинные, условные, уступительные, в которых тем не менее в качестве фоновых обязательно присутствуют и таксисные отношения между частями конструкции (фоновый таксис). Именно эти конструкции имел в виду Р. О. Якобсон, давая свое широкое определение таксиса. Примером такой конструкции может служить условное сложноподчиненное предложение

(32) *Если абитуриент решил задачу, то он поступит в университет.*

В ЗЧ этого предложения названа ситуация P_1 ('решение задачи'), которая представляет собой условие, необходимое и достаточное для наступления ситуации следствия P_2 ('поступление в университет'). Таким образом, подобная конструкция прежде всего предназначена для выражения условно-следственных отношений между ситуациями. Вместе с тем между ситуациями, называемыми в обеих частях предложения, существуют и таксисные отношения. Ситуация условия P_1 локализуется в прошлом до момента речи и предшествует ситуации следствия P_2 , локализуемой в будущем после момента речи. Ниже мы попытаемся кратко охарактеризовать все три типа таксисных конструкций, специально обращая внимание на их сходства и отличия.

Если сравнивать между собой конструкции валентностного и невалентностного таксиса, то необходимо отметить, что в конструкциях обоих типов могут употребляться как специализированные таксисные глагольные формы, т.е. формы, используемые исключительно или преимущественно для выражения таксисных значений, так и неспециализированные формы, т.е. формы, для которых выражение таксисных значений является не основной, а маргинальной функцией, однако первые формы стандартно, а вторые часто в конструкциях невалентностного и валентностного таксиса являются разными.

В частности, в латыни в конструкциях валентностного таксиса, образуемых глаголами мыслительной деятельности, как специализированные таксисные формы используются финитные временные формы сослагательного наклонения. Если глагол в ГЧ предложения выступает в форме настоящего или будущего времени, то значение одновременности выражается глаголом сослагательного наклонения в форме настоящего времени, см. (33а), значение предшествования выражается глаголом сослагательного наклонения в перфекте, см. (33в, г), а значение следования выражается глаголом сослагательного наклонения в форме аналитического будущего (со вспомогательным глаголом *esse* 'быть' в презенсе), см. (33б). Если же глагол в ГЧ предложения выступает в одной из форм прошедшего времени, то значение одновременности выражается глаголом сослагательного наклонения в имперфекте, см. (33д), значение предшествования выражается глаголом сослагательного наклонения в плюсквамперфекте, см. (33е), а значение следования выражается глаголом сослагательного наклонения в форме аналитического будущего со вспомогательным глаголом *esse* 'быть' в имперфекте, см. (33ж) [Соболевский 1948: 220]:

(33) а. *Scio, quid agas*
 знать-PRES.INDIC.1SG что делать-PRES.CONJ.2SG

'Я знаю, что ты делаешь';

б. *Scio, quid acturus sis*
 знать-PRES.INDIC.1SG что делать-FUT.CONJ.2SG быть-PRES-2SG

‘Я знаю, что ты будешь делать/сделаешь’;

в. *Scio, quid egeris*
знать-PRES.INDIC.1SG что делать-PERF.CONJ.2SG

‘Я знаю, что ты (с)делал’

г. *Sciam, quid egeris*
знать-FUT.INDIC.1SG что делать-PERF.CONJ.2SG

‘Я буду знать, что ты (с)делал’.

д. *Scivi, quid ageres*
знать-PERF.INDIC.1SG что делать-IMPERF.CONJ.2SG

‘Я (у)знал, что ты делаешь’

е. *Scivi, quid egisses*
знать-PERF.INDIC.1SG что делать-PLUSPERF.CONJ.2SG

‘Я узнал, что ты делал’;

ж. *Scivi, quid acturus esses*
знать-PERF.INDIC.1SG что делать-FUT.CONJ.2SG быть-IMPERF.2SG

‘Я узнал, что ты сделаешь’.

Очевидно, специализированными таксисными формами следует считать и формы инфинитива в обороте *Accusativus cum infinitivo*, который употребляется в качестве актанта при глаголах речи и чувственного восприятия. При главном глаголе в любой временной форме презентный инфинитив обозначает одновременность, перфектный инфинитив – предшествование, а футуральный инфинитив – следование [Соболевский 1948: 300]:

(34) а. *Dico/dixi/dicam fratrem epistulam*
сказать-PRES/PERF/FUT.INDIC.1SG брат-ACC письмо-ACC
scribere
писать-INF.PRES

‘Я говорю/сказал/скажу, что брат пишет письмо’

б. *Dico/dixi/dicam fratrem epistulam*
сказать-PRES/PERF/FUT.INDIC.1SG брат-ACC письмо-ACC
scripsisse
писать-INF.PERF

‘Я говорю/сказал/скажу, что брат написал/писал письмо’;

в. *Dico/dixi/dicam fratrem epistulam*
сказать-PRES/PERF/FUT.INDIC.1SG брат-ACC письмо-ACC
scripturum esse
писать-INF.FUT

‘Я говорю/сказал/скажу, что брат напишет/будет писать письмо’.

Также специализированными таксисными формами следует считать и формы активного причастия настоящего времени, когда они употребляются в обороте при глаголах чувственного восприятия. Независимо от временной формы глагола чувственного восприятия, причастие обозначает ситуацию, которая происходит одновременно с ситуацией, называемой глаголом чувственного восприятия [Соболевский 1948: 324–325]:

(35) а. *Video hominem, epistulam scribentem*
видеть- человек-ACC.SG письмо-ACC.SG писать-PART.PRES
PRES.INDIC.1SG

‘Я вижу человека, пишущего письмо’.

б. <i>Vidi</i> видеть- PERF.INDIC.1SG	<i>hominem</i> человек-ACC.SG	<i>epistulam</i> письмо-ACC.SG	<i>scribentem</i> писать-PART.PRES
‘Я видел человека, писавшего/пишущего письмо’.			
в. <i>Videbo</i> видеть- FUT.INDIC.1SG	<i>hominem</i> человек-ACC.SG	<i>epistulam</i> письмо- ACC.SG	<i>scribentem</i> писать-PART.PRES
‘Я увижу человека, пишущего письмо’.			

В то же время, как мы знаем, в конструкциях невалентностного таксиса в роли таксисных форм выступают формы будущего II, которое обозначает ситуацию P₁, предшествующую другой ситуации P₂ в будущем, см. (31), и формы плюсквамперфекта, который обозначает ситуацию P₁, предшествующую другой ситуации P₂ в прошлом, см. (13а).

Если в латыни в конструкциях с глаголами речи, мыслительной деятельности и чувственного восприятия в роли специализированных таксисных форм выступают финитные формы сослагательного наклонения, формы инфинитива и формы причастия, то в эвенском языке, принадлежащем к семье тунгусо-маньчжурских языков, в ЗЧ аналогичных конструкций употребляются причастия, которые изменяются по временам, падежам, лицам и числам (устное сообщение А. Л. Мальчукова):

- (36) а. *Би яв о-д-ди-ву-с* *ха-ра-м*
я что делать-PROC-PART-ACC-2SG знать-AOR-1SG
‘Я знаю, что ты делаешь’.
- б. *Би яв о-ча-ву-с* *ха-ра-м*
я что делать-PRF.PART-ACC-2SG знать-AOR-1SG
‘Я знаю, что ты делал’.
- в. *Би яв о-джиуа-ву-с* *ха-ра-м*
я что делать-FUT.PART-ACC-2SG знать-AOR-1SG
‘Я знаю, что ты будешь делать’.
- (37) а. *Би яв о-д-ди-ву-с* *ха-ри-в*
я что делать-PROC-PART-ACC-2SG знать-PAST-1SG
‘Я знал, что ты делаешь’.
- б. *Би яв о-ча-ву-с* *ха-ри-в*
я что делать-PRF.PART-ACC-2SG знать-PAST-1SG
‘Я знал, что ты делал’.
- в. *Би яв о-джиуа-ву-с* *ха-ри-в*
я что делать-FUT.PART-ACC-2SG знать-PAST-1SG
‘Я знал, что ты будешь делать’.
- (38) а. *Би яв о-д-ди-ву-с* *ха-джи-м*
я что делать-PROC-PART-ACC-2SG знать-FUT-1SG
‘Я буду знать, что ты делаешь’.
- б. *Би яв о-ча-ву-с* *ха-джи-м*
я что делать-PRF.PART-ACC-2SG знать-FUT-1SG
‘Я буду знать, что ты делал’.
- в. *Би яв о-джиуа-ву-с* *ха-джи-м*
я что делать-FUT.PART-ACC-2SG знать-FUT-1SG
‘Я буду знать, что ты будешь делать’.

Что касается конструкций невалентностного таксиса в эвенском языке, то в ЗЧ таких конструкций употребляется не причастие, а деепричастие. Деепричастие бы-

вает односубъектным, как и русское деепричастие, и в этом случае оно является неизменяемой глагольной формой (показатель – суффикс *-ми*) [Мальчуков 1998: 453]:

- (39) *Мучу-ми* *буйух-нэ-рэ-м*
вернуться-CONV охотиться-DIRECT-NONFUT-1SG
'Когда я вернулся, пошел на охоту'.

Деепричастие бывает разносубъектным (показатель – суффикс *-рак*) и в этом случае оно изменяется по лицам и числам [Мальчуков 1998: 468].

- (40) *Кухи-кэчи-д-дэк-у* *хи айука*
сражаться-DISTR-PROC-CONV-1SG ты беспечно
гирка-вачи-д-ди-х
шагать-HAB-PROC-PAST-2SG
'Пока я сражался, ты беспечно расхаживал'.

Что касается конструкций валентностного таксиса в русском языке, то в них употребляются неспециализированные таксисные глагольные формы. Если в ГЧ таких конструкций выступает глагол речи, мыслительной деятельности, чувственного восприятия, то в ЗЧ этих конструкций, вводимой союзами *что* и *как* и реализующей валентность содержания или стимула, употребляются глагольные формы, которые по своей основной функции являются абсолютными временными формами:

- (41) *Петя сказал мне, что Коля читает книгу.*

В этом предложении ситуация P_1 , называемая глаголом *читать*, заполняет валентность содержания ситуации P_2 , называемой глаголом *сказать*. В то же время форма настоящего времени глагола *читать* в данном случае указывает на то, что ситуация P_1 , называемая этой формой, происходит одновременно с ситуацией P_2 , называемой формой прошедшего времени глагола *сказать*, и тем самым эта форма выражает таксисное значение одновременности, см. также переводы латинских примеров (33)–(35) и эвенских примеров (36)–(38).

Говоря о конструкциях невалентностного таксиса в русском языке, следует отметить следующее. В современном русском языке, очевидно, есть всего две конструкции со специализированными таксисными глагольными формами. Это предложения, осложненные деепричастным оборотом, которые прототипически выражают значение предшествования (деепричастие СВ) и одновременности (деепричастие НСВ). Хорошо известная специфическая особенность деепричастий состоит в том, что они могут сочетаться с любыми видовременными финитными формами глагола, см. (23) и (42):

- (42) а. *Петя бежал (НСВ), размахивая (НСВ) руками;*
б. *Петя побежал (СВ), размахивая (НСВ) руками;*
в. *Петя бежит (НСВ), размахивая (НСВ) руками;*
г. *Петя будет бежать (НСВ), размахивая (НСВ) руками;*
д. *Петя побегит (СВ), размахивая (НСВ) руками.*

Роль этих конструкций в выражении таксисных значений довольно ограничена, если учитывать, что они употребляются только в письменной речи и требуют обязательной кореферентности привилегированных (первых) участников обозначаемых ситуаций.

В то же время в русском языке достаточно широко представлены конструкции с неспециализированными таксисными глагольными формами. Значение следования выражают предложения с инфинитивным оборотом и сложноподчиненные предложения с союзами *перед тем как*, *до того как*, *прежде чем*, *раньше чем*, сложноподчиненные предложения с союзами *пока* и *когда*, а также простые предложения с предикатными именами, вводимыми предлогами *перед*, *до* и *накануне*. Значение предшествования выражают сложноподчиненные предложения с союзами *после того как*,

когда, с тех пор как, лишь только, как только, едва и простые предложения с предикатными именами, вводимыми предлогом *после*. Наконец, значение одновременности выражают сложноподчиненные предложения с союзами *в то время как, когда, пока, с тех пор как*, простые предложения с предикатными именами, вводимыми предлогом *во время*, а также предложения, осложненные оборотом с действительным причастием НСВ настоящего времени.

Конструкция с инфинитивным оборотом, вводимым союзом *перед тем как, до того как, прежде чем, раньше чем* по своим формальным свойствам напоминает конструкцию с деепричастным оборотом. Это проявляется в том, что первые участники ситуаций, называемых инфинитивом и финитным глаголом, в обязательном порядке кореферентны, причем при инфинитиве, как хорошо известно, первый участник в принципе не может быть выражен, а кроме того, инфинитив способен сочетаться с любыми видовременными финитными формами глагола:

- (43) а. *Перед тем как уехать (СВ), Петя работал (НСВ) в саду;*
б. *Перед тем как уехать (СВ), Петя поработал (СВ) в саду;*
в. *Перед тем как уехать (СВ), Петя будет работать (НСВ) в саду;*
г. *Перед тем как уехать (СВ), Петя поработает (СВ) в саду;*
д. *Перед тем как уехать (СВ), Петя (обычно) работает (НСВ) в саду.*

Важная особенность сложноподчиненных предложений, отличающая их от предложений, осложненных инфинитивным оборотом, состоит в том, что в них вовсе не обязательна, хотя вполне возможна кореферентность первых участников ситуаций, называемых финитными глаголами, а кроме того и в ЗЧ, и в ГЧ этих предложений обычно употребляются финитные формы, локализирующие обозначаемые ситуации в одном и том же временном плане:

- (44) а. *После того как Петя сходил (СВ) за водой, он работал (НСВ) в саду;*
б. *После того как мы уедем (СВ), Петя будет работать (НСВ) в саду;*

Что касается простых предложений с предикатными именами, то они с одной стороны напоминают предложения, осложненные деепричастным или инфинитивным оборотом, а с другой стороны – сложноподчиненные предложения. С осложненными предложениями их сближает то, что предикатное имя может в принципе сочетаться с любой видовременной финитной формой глагола, а со сложноподчиненными предложениями их сближает то, что первые участники ситуаций, называемых предикатным именем и финитным глаголом, могут быть либо кореферентны, либо некорреферентны:

- (45) а. *Накануне (своего) отъезда Петя работал (НСВ) в саду;*
б. *Накануне нашего отъезда Петя будет работать (НСВ) в саду.*

Важную роль в формировании таксисных значений играет категория вида и в меньшей степени – времени, поскольку та или иная комбинация видовременных форм в ЗЧ и ГЧ предложения обязательна при выражении данного таксисного значения, а в предложениях с союзами *когда, с тех пор как* и *пока* именно комбинация видовременных форм прототипически определяет конкретное таксисное значение конструкции.

- (46) а. *Когда я читал (НСВ) книгу, Петя работал (НСВ) в саду;*
б. *Когда я вошел (СВ) в комнату, Петя проснулся (СВ).*

И в примере (46а), и в примере (46б) употреблен один и тот же союз *когда*, однако и в ЗЧ, и в ГЧ примера (46а) представлены финитные формы НСВ, и благодаря этому в предложении выражается таксисное значение одновременности. В то же время в ЗЧ и в ГЧ примера (46б) представлены финитные формы СВ, и благодаря этому в предложении выражается таксисное значение предшествования.

Если говорить о сходстве и различиях конструкций валентностного и невалентностного таксиса, то можно заметить следующее. Как мы уже упоминали, во многих определениях таксис "трактруется... как выражаемая в полипредикативных конструкциях сопряженность действий (компонентов полипредикативного комплекса) в рамках единого временного плана" (выделено нами. – В.Х.) [Бондарко 1999: 98]. Дейст-

вительно, в конструкциях валентностного и невалентностного таксиса зависимая (таксисная) глагольная форма и независимая глагольная форма, составляющие таксисную пару, как правило, обозначают ситуации, локализующиеся в одном временном плане. Вместе с тем среди конструкций невалентностного таксиса есть конструкции типа

(47) *Сделав (СВ) зарядку, Петя завтракает (НСВ),*

в которых ситуация P_1 , обозначаемая таксисным деепричастием СВ, локализуется в прошлом, тогда как ситуация P_2 , обозначаемая финитным глаголом, локализуется в плане настоящего времени. Иными словами, ситуации, выражаемые в этой конструкции, относятся к разным, хотя и сопряженным временным планам. Есть такие конструкции и среди конструкций валентностного таксиса:

(48) а. *Я знаю (НСВ), что ты делал (НСВ)/сделал (СВ) (месяц назад).*

б. *Я знаю (НСВ), что ты будешь делать (НСВ)/сделаешь (СВ) (на будущей неделе).*

В (48а) ситуация P_1 предшествует ситуации P_2 , локализуемой в плане настоящего, и соответственно локализуется в прошлом, а в (48б) ситуация P_1 , локализуемая в будущем, следует за ситуацией P_2 , локализуемой в настоящем. Таким образом, ситуации, выражаемые и в этих примерах, относятся к разным, хотя и сопряженным временным планам.

Учитывая примеры типа (47)–(48), мы должны либо говорить о том, что выражаемые в таксисных конструкциях ситуации относятся к одному или разным, но сопряженным временным планам, либо считать сопряженные временные планы (планы прошедшего и настоящего, настоящего и будущего) одним временным планом. Первое решение представляется нам более приемлемым, и поэтому можно считать, что сходство конструкций валентностного и невалентностного таксиса состоит в том, что выражаемые в этих конструкциях ситуации локализуются как в одном временном плане (прототипическая ситуация), так и в разных, но сопряженных временных планах (маргинальная ситуация).

Вместе с тем среди конструкций валентностного таксиса есть и такие, в которых выражаемые ситуации относятся к разным и не сопряженным временным планам. Имеются в виду конструкции типа

(49) *Я знал (НСВ), что ты будешь делать (НСВ)/сделаешь (СВ) на следующей неделе.*

(50) *Я буду знать (НСВ), что ты делал (НСВ)/сделал (СВ) месяц назад.*

Аналогичных конструкций как будто бы нет среди конструкций невалентностного таксиса, и в этом состоит существенное отличие между этими двумя типами конструкций.

Вместе с тем такие конструкции встречаются среди конструкций фонового таксиса, к рассмотрению которых мы сейчас и переходим. Речь идет о таких конструкциях, как, например, причинные, условные, уступительные, в которых в качестве фоновых обязательно присутствуют и таксисные отношения между частями конструкции, хотя сами по себе эти конструкции таксисными не считаются. Специфическая особенность таких конструкций заключается в том, что в них таксисные отношения существуют как между ситуациями, локализуемыми в рамках одного временного плана, так и между ситуациями, локализуемыми в рамках различных, в том числе и несопряженных временных планов:

(51) а. *Если Петя сдал экзамен, он поступил в университет;*

б. *Если Петя сдал экзамен, он поступит в университет;*

в. *Если Петя сдаст экзамен, он поступит в университет.*

В предложениях примера (51) представлены три варианта одной условной конструкции, которые отличаются друг от друга временной локализацией обозначаемых ситуаций: в (51а) обе ситуации локализованы в прошлом, в (51б) ситуация P_1 , обозначаемая в ЗЧ предложения, локализована в прошлом, а ситуация P_2 , обозначаемая в ГЧ предложения, локализована в будущем, в (51в) обе ситуации локализованы в

будущем. При этом во всех трех предложениях выражается одно и то же фоновое таксисное отношение: ситуация P_1 , обозначаемая в ЗЧ предложения, предшествует ситуации P_2 , обозначаемой в ГЧ предложения.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что между конструкциями невалентностного таксиса и конструкциями с фоновым таксисом в ряде случаев отсутствуют четкие границы. В частности, таксисные отношения между ситуациями в принципе могут быть осложнены отношениями условия, причины, уступки, ср. [Бондарко 1999: 99]. Так, в русском языке предложения, осложненные оборотом со специализированным таксисным деепричастием НСВ, могут выражать и условное значение, если в ГЧ предложения употреблен глагол в форме будущего времени, и причинное значение, если в ГЧ предложения употреблен глагол в форме прошедшего времени, ср. [Барентсен, Хиндрикс 1988: 15]:

(52) а. **Применяя (НСВ) эту аргументацию, вы не добьётесь (СВ) понимания слушателей** = 'Если вы будете применять эту аргументацию, вы не добьётесь понимания слушателей'.

б. **Применяя (НСВ) эту аргументацию, вы не добились (СВ) понимания слушателей** = 'Поскольку вы применяли эту аргументацию, вы не добились понимания слушателей'.

Вообще следует заметить, что в некоторых языках существуют конструкции, которые могут интерпретироваться и как таксисные, и как условные (с фоновым таксисом), если в ГЧ конструкции употреблен глагол в форме будущего времени [Храковский 1998, ср. Гусев 2002]. К таким конструкциям, в частности, относится конструкция с союзом *wenn* в немецком языке:

(53) *Wenn ich morgen zu meiner Mutter gehe, werde ich ihr ein Buch kaufen.*

'Когда/если я завтра пойду к матери, я куплю ей книгу'.

Такая конструкция есть и в уже упомянутом выше эвенском языке. Это конструкция с оборотом, содержащим деепричастие, которое в зависимости от целого ряда условий может иметь либо таксисную интерпретацию, см. (39)–(40), либо условную (с фоновым таксисом) [Мальчуков 1998: 458]:

(54) Ак-му тиек мучу-д-ми
брат-мой сейчас вернуться-PROC-CONV
тиминак д'у-ла-й эм-д'и-н
завтра дом-LOC-REFL прийти-FUT-1SG

'Если мой брат сейчас возвращается, завтра придет домой'.

Но если в ГЧ такой конструкции употреблен финитный глагол в форме будущего времени, то такая конструкция с равным успехом может быть интерпретирована и как таксисная, и как условная (с фоновым таксисом) [Мальчуков 1998: 453]:

(55) Ак-му мучу-рака-н буйух-нэ-д'и-м
брат-мой вернуться-CONV-3SG охотиться-DIRECT-FUT-1SG
'Когда/если мой брат вернется, я пойду на охоту'.

Кроме того, эта конструкция наряду с условной, может иметь и причинную интерпретацию [Мальчуков 1998: 470]:

(56) Дил-и эн-сэкэ-н ургэ-лэ-й
голова-REFL болеть-CONV-3SG работа-LOC-REFL
э-тэ-м хо-р-рэ
не-делать-FUT-1SG пойти-NEG-CONV

'Если будет болеть голова, на работу не пойду'/'Раз болит голова, на работу не пойду'.

Любопытно отметить, что фоновое таксисное значение предшествования при обеих интерпретациях не является идентичным. При условной интерпретации обе ситуации, связанные таксисным отношением, локализируются в будущем после момента речи, тогда как при причинной интерпретации ситуация, выражаемая в деепричастном обороте, локализуется уже не в будущем, а в настоящем, т.е. одновременно моменту речи.

Резюмируем сказанное. Все бипредикативные конструкции, части которых связаны таксисными отношениями, делятся на три группы. В одну группу входят конструкции валентностного таксиса. Ситуация, выражаемая глаголом в ЗЧ такой конструкции, заполняет валентность содержания или стимула ситуации, называемой глаголом в ГЧ конструкции. Другую группу составляют конструкции невалентностного таксиса. Ситуации, выражаемые глаголами в обеих частях таких конструкций, являются независимыми. Третья группа включает конструкции, имеющие особую семантику, однако независимые ситуации, выражаемые в обеих частях такой конструкции, попутно связаны таксисными отношениями. Жестких границ между указанными группами нет. Все группы имеют те или другие общие параметры, однако наиболее тесно связаны друг с другом конструкции невалентностного и фонового таксиса, в которых выражаются независимые ситуации.

Самый существенный вывод заключается в следующем. Давая широкую и узкую трактовку таксиса, которые на первый взгляд исключают друг друга, Р. О. Якобсон был не так уж не прав. Под узкое определение таксиса подводятся бипредикативные конструкции, для которых то или другое конкретное таксисное значение является прототипическим, а под широкое определение таксиса подводятся те бипредикативные конструкции, для которых конкретное таксисное значение является не прототипическим, а фоновым, сопутствующим прототипическому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова, Козинцева 1987 – Т. Г. Акимова, Н. Л. Козинцева. Аспектуально-таксисные ситуации без элементов семантической обусловленности // Теория функциональной грамматики Введение. Аспектуальность. Л., 1987.
- Барентсен, Хиндрикс 1988 – А. А. Барентсен, Й. Х. Хиндрикс. Деепричастие и совершенный вид в современном русском языке // Dutch contributions to the Tenth International Congress of slavists. Amsterdam, 1988.
- Бондарко 1987 – А. В. Бондарко. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Бондарко 1998 – А. В. Бондарко. Категориальное представление идеи времени // Jazykovědne Aktuality Т. XXXV. 1998.
- Бондарко 1999 – А. В. Бондарко. Основы функциональной грамматики. СПб., 1999.
- Вахтин 1995 – Н. Б. Вахтин. Синтаксис языка азиатских эскимосов. СПб., 1995.
- Гуревич 1971 – В. В. Гуревич. О значениях глагольного вида в русском языке // Русский язык в школе № 5. 1971.
- Гусев 2002 – В. Ю. Гусев. Когда и если: иерархия грамматических контекстов // Третья зимняя типологическая школа. Материалы лекций и семинаров. М., 2002.
- Кононов 1941 – А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. М.; Л., 1941.
- Кузнецова и др 1980 – А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. М., 1980.
- Мальчуков 1998 – А. Л. Мальчуков. Условные конструкции в эвенском языке // Типология условных конструкций. СПб., 1998.
- Мальчуков 2001 – А. Л. Мальчуков. Опыт исчисления таксисных значений (на материале тунгусских языков) // Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. СПб., 2001.
- Маслов 1983 – Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Маслов 1984 – Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

- Мельчук 1998 – *И А Мельчук* Курс общей морфологии Т II Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband, 38/2 Москва, Вена, 1998
- Недялков, Отаина 1987 – *В П Недялков, Т А Отаина* Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики Введение Аспектуальность Временная локализованность Таксис Л, 1987
- Падучева 1996 – *Е В Падучева* Семантические исследования М, 1996
- Русская грамматика 1952 – *Русская грамматика* Т I М, 1952
- Соболевский 1948 – *С И Соболевский* Грамматика латинского языка М, 1948
- Теньер 1988 – *Л Теньер* Основы структурного синтаксиса М, 1988
- Храковский 1998 – *В С Храковский* Теоретический анализ условных конструкций // Типология условных конструкций СПб, 1998
- Храковский 2001 – *В С Храковский* Таксис (история вопроса, определение и типология форм) // Functional grammar Aspect and aspectuality Tense and Temporality Essays in honor of Alexander Bondarko Munchen, 2001
- Якобсон 1972 – *Р О Якобсон* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя М 1972
- Яковлев 1940 – *Н Ф Яковлев* Синтаксис чеченского литературного языка М, Л, 1940
- Comrie 1998 – *В Comrie* Ein Strukturrahmen fur deskriptive Grammatiken Allgemeine Bemerkungen // Deskriptive Grammatik und allgemeiner Sprachvergleich Tubingen, 1998
- Galton 1976 – *Н Galton* The main functions of the Slavic verbal aspect Skopje, 1976
- Jakobson 1957 – *Р Jakobson* Shifters, verbal categories and the Russian verb New York, 1957